

ифику той, говоря современным языком, целевой аудитории, которой этот миф в первую очередь адресовался. С одной стороны, идеологический посыл был именно таков, что каждый пионер должен, если возникнет необходимость, поступить подобно уже канонизированным героям, с другой — все истории детей-мучеников восходили к первым десятилетиям существования советской власти (несколько другой, но тоже особый статус имеют только истории, относящиеся к периоду Великой отечественной войны), когда социалистическое общество находилось еще в стадии становления — то есть тому мифологическому времени творения мира, когда только и могли жить боги, чудовища и герои. Воспроизводиться же миф продолжал и в 50-е, и в 60-е годы (и далее, постепенно теряя свое значение, вплоть до конца 80-х), когда универсум был уже целиком создан, вещи получили свои имена, а в услугах героев больше не было необходимости. То есть подражание канонизированным пионерам уже не могло быть буквальным, общество, по большей части избавившись от главных своих внутренних врагов, впредь не требовало от детей из ряда вон выходящего подвига, а только добропорядочности, лояльности, прилежности, успехов в учебе (в этом смысле пионеры-герои тоже могли служить прекрасными образцами). Миф же о них продолжал свое существование уже в качестве истории (и в литературном, и в документальном смысле), истории принципиально адресованной детской аудитории, истории, в виде своего необходимого элемента содержащей насилие. При этом очевидно, что абсолютно без деталей и без подробностей этого самого совершаемого насилия невозможно было бы оценить силу духа героя и величие его подвига. То есть жестокие подробности, так или иначе, но были, хотя их описание и служило несколько другой, нежели в современной массовой культуре, цели.

В любом случае, в свете вышесказанного нельзя утверждать, что мир советского ребенка был расцвечен только светлыми красками (каким он рисуется в советском детском кинематографе и в советских мультфильмах), а все связанное с жестокостью и насилием, обрушилось на ни в чем неповинных детей с Запада, когда не стало больше столь благотворного для детской психики железного занавеса. Что-то свое в советском обществе уже было, хотя и в очень специфических, как всегда, формах. Настолько специфических, что в общем-то трудно считать сюжет первого, как его стараются называть, российского аниме «Первый отряд»,

повествующего о борьбе с оккультными силами Третьего рейха призванных с того света пионеров-героев (каждый из которых, по утверждению сценаристов, имеет «реальный» прототип в мифологии советского времени), большим кощунством по отношению ко всей семидесятилетней советской истории, чем сами мифологизированные истории пионеров-мучеников по отношению к реальным событиям жизни и смерти канонизированных в результате детей. ❏

3.9

Вербальная агрессия: мода или винтаж

С кандидатом филологических наук, доцентом РГГУ Т.В. Базжиной об особенностях коммуникации в политической и бытовой сферах в России беседует студентка факультета Истории, политологии и права РГГУ Мария Шишкина.

Татьяна Вадимовна Базжина,
кандидат филологических наук, доцент
РГГУ.

¹ Культурный феномен социальной дискредитации субъекта посредством адресованного ему текста [Энциклопедия постмодернизма, 2001].

Многие более-менее культурные люди, которые следят за политической жизнью нашей страны, не перестают удивляться тому, как выстраивается коммуникация в политическом поле. Создается впечатление, что агрессивность является неотъемлемой чертой российского общественно-политического дискурса. В чем может быть причина этого явления?

Т. Б.: В нашем политическом общении действительно есть своя специфика. Наиболее часто применяемый в политической среде аргумент — «с умишком, видать, у тебя слабовато». Такая аргументация в любом споре, и прежде всего политическом, есть не что иное, как инвектива¹. Это апелляция к личности оппонента, а не к содержанию сказанного им. А любая аргументация ad hominem, то есть любое оскорбление или обвинение, свидетельствует о том, что обвиняющий сам не владеет системой логической аргументации. Хотя

многие полагают, что для «ширнармасс» аргументы типа «что его слушать, он в очках» является действенной. Может, кого-то этим способом и можно убедить, но чаще складывается впечатление, что человек пытается отстаивать позицию, обосновать которую внятно он не может.

Когда человек знает, что делать, он будет мягко и спокойно убеждать. Там, где есть сила, не бывает агрессии.

Недавно мы могли наблюдать, как члены правительства при помощи окрика с общаются с представителями крупного бизнеса. Я говорю о том, как ситуацию в Пикалево освещали с телеэкранов. Такое общение я называю «дурновкусной моделью поведения». И не только потому, что кто-то олигарх, а кто-то министр, и не потому, что выглядит это некрасиво. С любым человеком методом окрика разговаривать не надо, и, более того, не надо культивировать подобные «пацанские» модели поведения на столь высоком уровне публичного общения. Пацанские методы, к сожалению, «канают» только в нашей политической среде. Во всем мире давным-давно принят совершенно иной стиль общения.

Кстати, не так давно посетивший нас Барак Обама показал принципиально другую коммуникативную модель. Он заставил себя уважать не потому, что президент США, а потому, что у него есть коммуникативная харизма, которая не подавляет, а заставляет слушать. Безусловно, у него хорошее образование, он закончил Колумбийский университет, но к тому же еще и очень много работал над собой.

Обама — лидер, который долго будет предопределять мировое развитие. При этом он необыкновенно мягок в форме выражения и абсолютно четко понимает, что хочет сказать. Мягкость форм и жесткость содержания как раз и составляют культуру политического дискурса.

До тех пор пока у представителей нашей власти будет господствовать жесткость формы и рыхлость содержания, их устный дискурс ни на кого не повлияет, сколь бы интонационно жестко это ни выглядело. Когда человек знает, что делать, он будет мягко и спокойно убеждать. Там, где есть сила, не бывает агрессии. Возвращаясь к вашему вопросу о нашей специфике общения, не могу не обратить внимание, что в последнее время опять стала популярной «проблема сортира». Джорджу Лакоффу² и в голову не при-

² Джордж Лакофф — американский лингвист. Заслужил известность своими идеями о центральной роли метафоры в мышлении индивида.

ходило ее описать. Метафора низа, метафора экскремента актуализирована в публичном пространстве. Какие смыслы за этим скрываются — понять это могут только сами участники дискуссий, которые обозначают сообщество, в котором вращаются, как экскремент. Ну, к каждой самономии стоит относиться уважительно. А попутно помнить, что писал Михаил Булгаков: «Разруха не в сортирах, а в головах». Другими словами, широкая популярность метафоры низа — это не столько проблема уместности, сколько показатель того, что говорящий считает позволительным.

К.: Недавно депутаты московской городской думы выступили с инициативой новой санкции — наказывать штрафами сограждан, употребляющих матерные выражения. Это единственный способ борьбы с модой на мат?

Т. Б.: Когда мы вводим запретительные меры, мы заявляем, что никаким другим способом с возникшей проблемой справиться не можем. Впечатление, что мода на обценную лексику существует, может создаться: слишком часто слышится то, что в культуре табуировано. Повсеместное, но неуместное использование матерных слов свидетельствует, на мой взгляд, о расшатанности социальных норм поведения. Многие, говоря «блин», даже не догадываются,

Вседозволенность, снятие каких бы то ни было ограничений должно настораживать, ведь это означает, что общество теряет ориентиры.

ся, что это эвфемизм, условная замена недопустимого. Мне доводилось даже в словарях видеть «полный абзац» без каких-либо помет. Это теперь стоит считать нормой употребления?

С другой стороны, в публичное пространство за последние десять-пятнадцать лет вышли люди без должного образования и воспитания, так что засилье обценной лексики — это не столько проблема моды или допустимости, скорее это свидетельство того, что человек по-другому не умеет себя выразить, что, согласитесь, печалит. Читаешь, например, «Сахарный Кремль» — и понимаешь, что герои действительно не могут говорить иначе, и это коробит. А у того же Юза Алешковского этот языковой пласт абсолютно естественен в тексте «Николая Николаевича», его герой не может вести себя иначе. Помните давнишний анекдот: «Вася, ты капнул расплавленное олово мне на ботинок;

Вася, ты не прав» — проблема в уместности употребления слов из того или иного пласта лексики.

Искоренить мат из русской культуры невозможно. Хотя всех штрафами обложи, он останется компонентом культуры. Другое дело — кто, когда, где и зачем произносит эти слова. Вседозволенность, снятие каких бы то ни было ограничений должно настораживать, ведь это означает, что общество теряет ориентиры,

Само по себе употребление обценной лексики — показатель того, что собеседники находятся на одном уровне в социальной иерархии или выбирают регистр близких, интимных в европейском понимании, отношений, уровень доверительного общения. Поэтому когда мат слышится в публичной речи, не понятно, кто на какой уровень доверия к кому переходит.

К.: С матом мы законодательными мерами боремся, но как быть с «пацанской» манерой первых лиц государства, о которой вы упомянули чуть ранее?

Т. Б.: Первым лицам государства не запретишь — они употребляют в речи все, что угодно. И хотя для наших

Есть мода не только на речевое поведение, но и на речевое мышление в целом.

высокопоставленных чиновников пацанская лексика — дело обычное, из общественно-политического дискурса и бизнес-коммуникации этот тренд уходит. Сегодня пацанская лексика, выражаясь языком моды, уже винтаж.

Все еще хорошо помнят 90-ые годы и новых русских в малиновых пиджаках. Ушло само понятие «новый русский», а тех, кого сейчас называют «российским предпринимателем», может давать интервью в рубашке поло, но никак не в малиновом пиджаке.

Если сейчас кто-нибудь попытается прийти на встречу, да просто на бизнес-ланч в малиновом пиджаке, это будет воспринято исключительно как карнавальный костюм. Представляется, что и агрессивные речевые маски через некоторое время будут восприниматься так же — как агрессивный карнавальный костюм.

Есть мода не только на речевое поведение, но и на речевое мышление в целом. Наблюдая за тем, что происходит с обществом, можно отметить, что система коммуникативных форм и формул поведения меняется.

К.: Если «пацанская» лексика перестает быть актуальной, можно в скором будущем ожидать позитивных изменений в культуре политического дискурса?

Т. Б.: Чтобы такое окультуривание случилось, в политическом дискурсе должен появиться другой голос, альтернативное мнение, которому придется аргументированно возражать. Во многом проблема современного политического курса — в его одногласии, в наличии единственно верной точки зрения и в отсутствии конструктивной критики. Разговор с оппозицией как со слабоумными не повышает эффективность дискуссии.

Как только в любом сообществе — научном, экспертном или бытовом — перестает генерироваться альтернативная точка зрения, это сообщество «капсулируется». Любая альтернатива есть не что иное, как способ развития сообщества. Далеко не каждый в замкнутой группе способен порождать новое знание, не мотивированное группой. Любая альтернативная точка зрения, правильная ли, неправильная, нужна для коррекции-контроля того, что думаешь ты сам.

Потеря критики в нашем политическом сообществе нарастает стремительно. Возникает ощущение, что ты в Зазеркалье. Вспомнить хотя бы дискуссию на Первом канале у передаче г-на Шевченко, когда ни один из присутствующих не был готов хотя бы выслушать мнение оппонента. Сорок минут базарной склоки на федеральном телеканале не могут не впечатлить зрителя.

Сейчас предпринимаются попытки установить социальный диалог по горизонтали. Даже в пресловутой вертикали возникает понимание того, что надо обустроить гори-

Как только в любом сообществе — научном, экспертном или бытовом — перестает генерироваться альтернативная точка зрения, это сообщество «капсулируется». Любая альтернатива есть не что иное, как способ развития сообщества.

зонтальные каналы коммуникации. Именно обустроить, а не рывкать сверху, чтобы все делали так, как положено. Одна из серьезных социальных, экономических, политических проблем — качество информации снизу, а это проблема очень широкого спектра: проблема страха, доверительных отношений, наказаний, штрафов. Этими вопросами надо заниматься сейчас, так как необходимы люди, которые не боятся говорить и которым есть, что сказать.

К.: Мат был раньше более характерен для бытовой среды общения. Получается, она всегда была агрессивной? Может эта бытовая агрессивность оказывает влияние и на публичную сферу?

Т. Б.: Русская бытовая среда, действительно, очень агрессивна. Она агрессивна в том смысле, что мы принципиально в бытовом диалоге ориентированы на монолог. У нас нет культуры аргументации. Нам, в общем, практически не важно, каким способом мы пытаемся убедить собеседника. Мы воздействуем на него голосом, переходя на крик, мы обижаем его, говоря, что если он не понимает наших слов, то он идиот. И еще одна специфика русской бытовой коммуникации: она крайне эмоциональна.

Но бытовая и публичная коммуникация суть две очень разные вещи. У нас есть традиционное представление, что окрик командным голосом действенен. Это представление проецируется из поколения в поколение. На уровне

Только русская мать говорит своему ребенку: «Я отдам тебя милиционеру». Ни одной матери мира это в голову не придет. Это можно назвать «отрыжкой» советской системы воспитания.

бытовой коммуникации окрик командным голосом широко применим в силу стереотипного представления о его эффективности. Но если в бытовом общении окрик может быть допустим с определенными оговорками, то в публичной коммуникации он категорически невозможен.

Культура публичной коммуникации, точнее то бескультурье, что там царит, — это проблема перехода бытовой коммуникации в общественную сферу. Вы заметили это совершенно правильно. Когда мы констатируем, что не разграничиваем публичную и бытовую коммуникацию, мы констатируем и тот факт, что публичной коммуникации у нас попросту не учат.

К.: Выходит, вся проблема в отсутствии представления о разнице между публичной и бытовой коммуникацией? Можно ли в такой ситуации говорить о каких-то позитивных тенденциях вообще?

Т. Б.: Позитивные изменения в публичной коммуникации есть. Прямой показатель — общение в бизнес-сообществе. Там люди пытаются слушать друг друга, и у них это получается. В последнее время отмечают как тренд, что люди, работающие по найму, оценивают место своей работы не только

по сумме материального вознаграждения, но и по мере социального уважения. И это наглядно демонстрирует, что далеко не все определяется уровнем зарплаты.

Если поговорить с сотрудниками разных фирм, то многие уже категорически не принимают ситуации публичной коммуникации, когда начальник позволяет себе на них кричать. И ни одному прилично воспитанному начальнику уже в голову не придет орать на подчиненных. Им можно пенять, их можно убеждать, можно от них требовать, но делать это деликатно, уважительно.

Мы уже привыкли к тому, что в ресторанах и магазинах нам не грубят. Мы привыкли, что в сфере обслуживания с нами разговаривают вежливо.

Сейчас стандарты коммуникации во многом задает бизнес-среда, начиная от сферы услуг и выше.

К.: Как можно было бы прививать здоровые, мягкие коммуникативные модели в обществе более целенаправленно?

Т. Б.: Один из самых эффективных способов — паттерное обучение. Никто не в праве указывать, как вести себя дома, там каждый волен выбирать свою модель поведения. Но как только человек выходит за пределы своей квартиры или дачного участка, он попадает в публичное пространство. Здесь должен использоваться принципиально другой регистр — регистр публичной коммуникации.

Если задуматься, то каждый по опыту знает, что агрессивная модель поведения чаще всего бывает феноменально проигрышной, в отличие от мягкой коммуникативной модели. Представьте, вы приехали в автосервис. Конечно, можно кричать истошным голосом на мастера, который у вас принимает машину, но эффективно ли это, ведь ваша машина будет готова в самую последнюю очередь. Конечно, если вы поставили себе задачу получить машину как можно позже, то это самая, пожалуй, продуктивная модель поведения.

К.: Все-таки, трудно отделаться от привычного представления о том, что негативные образцы поведения транслируются с экрана. Разве активная демонстрация в медиа деструктивных коммуникативных моделей не может свести позитивные тенденции к нулю?

Т. Б.: Действительно, принято считать, что речевые образцы, которые хотят привить, транслируются через ТВ. Но давайте задумаемся, кто является основным телезрителем сегодня? Не будем брать пенсионеров или поклонников Mtv, но люди

в возрасте от двадцати до сорока пяти лет крайне редко смотрят ТВ. Они не проводят день перед экраном, да и в силу своей профессиональной занятости установили, что есть другие нормы поведения. Люди хотят, чтобы с ними в публичном пространстве обращались прилично. На ТВ нам демонстрируют дурные коммуникативные модели, но наша личная социальная жизнь свидетельствует о том, что нам такое общение не нравится, поэтому мы выбираем иную стратегию для коммуникации.

Кстати, летом телеканал «Россия» поставил в очень прайм-товое время фильм «Подстрочник»³ с Лилианой Лунгиной. Впору задаться вопросом: почему ее слушали, затаив дыхание? Она никому ничего не обещает, от нее ничего не зависит, более того — ее и в живых-то нет. Но ее жизнь — это не только интересная история личности, это феноменальный социальный образец. Образец того, что можно разговаривать не только по-пацански.

По сути, показ «Подстрочника» — это демарш. Казалось бы, фильм в формате «говорящая голова» абсолютно немислим в наше время. Но его показали, его смотрели, обсуждали. При том что считается: серьезного по ТВ показывать нельзя — народ требует развлечений.

Надо отметить, что не так давно мы потеряли формат ток-шоу и абсолютно разучились говорить в прямом эфире. Но в последнее время на ТВ заметен тренд, который показывает, что хотя бы от развлекухи ниже пояса мы начинаем уходить. «Рейтинговая свечка», которую дал фильм «Подстрочник», — безумно интересный показатель, который иллюстрирует, что разговоры о том, что нужны только шутки ниже пояса — это разговоры навязанные, они не соответствуют потребительским ожиданиям. Кроме того, это свидетельствует о том, что народ не только хочет посмеяться, но еще и немного подумать.

К.: Наверное, самые мощные каналы транслирования социальных образов — это семья и школа. Они могут выступать альтернативой образцам из телевизора?

Т. Б.: Семья и школа обладают, к сожалению, весьма специфическими негативными характеристиками. Например, только русская мать говорит своему ребенку: «Я отдам тебя милиционеру». Ни одной матери мира это в голову не придет. Это можно назвать «отрыжкой» советской системы воспитания. Современные дети весьма своеобразно воспитываются в детском саду и школе: там они навязывают свои

модели поведения. Например, школьник может запросто сказать учителю «пошел вон». Мне часто рассказывают истории про то, как ученик «обложил» учителя, ни в грош его не ставит и прочее.

В России это одна из самых серьезных проблем. Есть 6-7%, а по некоторым регионам 10-15% школ, где отношения между учениками и учителями уважительные, другими словами, есть зоны, где люди нормально общаются.

На Западе совершенно другое образовательное пространство. Если представить себе, что учитель повысит голос на ребенка, он с волчьим билетом будет выгнан с работы. Войдите в немецкий, английский, финский детский сад и посмотрите, как там разговаривают с детьми: с ними говорят как с личностями. Там не дают команды: «Встали в шеренгу, пошли по двое». Там пытаются договориться, там есть кооперативность в коммуникации: «Давайте пойдём».

Сейчас приходит новое поколение учеников, которое не позволяет на себя орать, но которое привыкло выражать свои желания. На такого ученика можно орать, давить, но он не будет действовать так, как ему приказали. Вот такое нынче коммуникативное противостояние «отцов и детей», демонстрирующее, что силовая модель уже не работает. И взрослым приходится зарабатывать авторитет, становится, как писал Алексей Алексеевич Ухтомский, заслуженным собеседником.

К.: Завершая наш разговор, можно ли сказать, что у вас позитивное видение коммуникативного будущего в нашей стране?

Т. Б.: Да, в конце концов всё само собой обустроится. Правда, лет через сорок. Но если мы хотим, чтобы это обустроилось чуть-чуть быстрее, надо над этим работать, а для начала — учиться уважать своего собеседника. Такая вот славная жизнь по правилам вежливости. ❏

Текст подготовила
Мария Шишкина.

³ Фильм О. Дормана, 2009 год.